

Совет по правам человека
Рабочая группа по произвольным задержаниям**Мнения, принятые Рабочей группой по произвольным задержаниям на ее девяносто восьмой сессии, 13–17 ноября 2023 года****Мнение № 75/2023 в отношении Ярослава Владимировича Тимофеева (Российская Федерация)***

1. Рабочая группа по произвольным задержаниям была учреждена в соответствии с резолюцией 1991/42 Комиссии по правам человека. Комиссия продлила и уточнила мандат Рабочей группы в своей резолюции 1997/50. Во исполнение резолюции 60/251 Генеральной Ассамблеи и решения 1/102 Совета по правам человека Совет взял на себя ответственность за осуществление мандата Комиссии. В своей резолюции 51/8 Совет продлил мандат Рабочей группы на очередной трехлетний срок.
2. В соответствии со своими методами работы ¹ 19 июля 2023 года Рабочая группа препроводила правительству Российской Федерации сообщение в отношении Ярослава Владимировича Тимофеева. Правительство не ответило на это сообщение. Государство является участником Международного пакта о гражданских и политических правах.
3. Рабочая группа считает лишение свободы произвольным в следующих случаях:
 - а) когда явно невозможно сослаться на какую-либо правовую основу, оправдывающую лишение свободы (например, когда какое-либо лицо содержится под стражей после отбытия им срока своего заключения или вопреки распространяющемуся на него закону об амнистии) (категория I);
 - б) когда лишение свободы является результатом осуществления прав и свобод, гарантированных статьями 7, 13, 14, 18, 19, 20 и 21 Всеобщей декларации прав человека, и в той мере, в какой это касается государств-участников статьями 12, 18, 19, 21, 22, 25, 26 и 27 Пакта (категория II);
 - в) когда полное или частичное несоблюдение международных норм, касающихся права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного во Всеобщей декларации прав человека и в соответствующих международных договорах, принятых соответствующими государствами, является столь серьезным, что это придает факту лишения свободы произвольный характер (категория III);
 - д) когда просители убежища, иммигранты или беженцы подвергаются длительному административному задержанию без предоставления возможности

* В соответствии с пунктом 5 методов работы Рабочей группы Анна Юдковская не принимала участия в обсуждении данного дела.

¹ [A/HRC/36/38](#).

административного или судебного пересмотра или средства правовой защиты (категория IV);

е) когда лишение свободы представляет собой нарушение международного права по причине дискриминации по признаку рождения, гражданства, этнического или социального происхождения, языка, религии, экономического положения, политических или иных убеждений, пола, сексуальной ориентации, инвалидности или иного статуса, целью или результатом которой может стать игнорирование равенства людей (категория V).

1. Представленные материалы

а) Сообщение от источника информации

4. Ярослав Владимирович Тимофеев, родившийся 2 февраля 1996 года, является гражданином Российской Федерации. В свое время он учился на электромеханика в Уфимском государственном авиационном техническом университете.

i) Контекст

5. Источник информации утверждает, что мать г-на Тимофеева — татарка, а отец — этнический русский. В период с января 2015 по май 2016 года, когда ему было 19 лет и он интересовался изучением мусульманской практики, г-н Тимофеев, как сообщается, посещал собрания исламской организации «Хизб-ут-тахрир». На жаргонном языке этой группы он «служил учеником»; однако он не приносил клятву верности и не давал никакого согласия на то, чтобы стать ее членом. Он посещал занятия и встречи, на которых обсуждались политические и религиозные вопросы. В их число входили основы ислама и идеи «Хизб-ут-тахрир». Он не обсуждал никаких идей, связанных с необходимостью применения насилия. Он не участвовал ни в каких насильственных действиях. Последнее собрание «Хизб-ут-тахрир», на котором было зафиксировано участие г-на Тимофеева, состоялось 18 мая 2016 года. В июле 2016 года он добровольно вышел из организации и отказался от поддержки ее идеологии. Его выход был подтвержден показаниями трех свидетелей, которые также добровольно вышли из этой группы и не были привлечены к ответственности, а также показаниями одного из обвиняемых.

ii) Заключение под стражу и судебный процесс

6. Согласно полученной информации, г-н Тимофеев был задержан и в его доме был проведен обыск 9 февраля 2017 года, примерно через семь месяцев после того, как он добровольно прекратил свое участие в «Хизб-ут-тахрир». Никакой запрещенной литературы у него обнаружено не было. Помимо г-на Тимофеева, были арестованы еще 11 мусульман, вовлеченных в дела «Хизб-ут-тахрир». Сообщается, что г-н Тимофеев подозревался в нарушении статьи 205.5 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей уголовную ответственность за участие в террористических группах. Верховный суд Российской Федерации признал «Хизб-ут-тахрир» террористической группой в феврале 2003 года. После ареста г-н Тимофеев был помещен в следственный изолятор № 5 города Дюртюли, где провел 14 месяцев в одиночной камере. Утверждается, что камера плохо отапливалась и г-н Тимофеев подвергался словесным оскорблениям со стороны следователей. Начальник СИЗО № 5 сказал ему, что он так и сгниет в одиночной камере. Утверждается, что г-на Тимофеева принудили к подписанию признания путем длительной изоляции, испытания холодом и морального надругательства. При даче признательных показаний не присутствовали ни адвокат, ни свидетели.

7. Источник информации утверждает, что судебное разбирательство в отношении г-на Тимофеева и еще девяти человек началось 11 декабря 2018 года в Приволжском окружном военном суде. В ходе судебного процесса г-н Тимофеев показал, что его принудили подписать признание и что, хотя он и был учеником «Хизб-ут-тахрир», он добровольно покинул эту организацию в июле 2016 года. Сообщается, что видеозапись

его признания была использована в качестве доказательства вопреки его возражениям, а его утверждения о принуждении к признанию не были расследованы.

8. Согласно источнику информации, главный свидетель обвинения также показал, что информация, которую он сообщил во время предварительного заключения, была получена под пытками. Свидетель утверждал, что ему на голову надели мешки, заставили принять позу «ласточки», в которой он был подвешен за руки, скованные наручниками за спиной, и избили. Его также заставляли принимать положение с вытянутыми руками, в котором он сгибался и упирался макушкой в стену, в то время как его ноги были раздвинуты, а руки подняты над головой. Впоследствии его содержали в одиночной камере в СИЗО № 4 города Бирска и лишили свиданий и общения с семьей. Сообщается, что у свидетеля случился нервный срыв и он был госпитализирован в результате физических и психологических пыток. Адвокат свидетеля обратился в прокуратуру с просьбой расследовать факт пыток, но не получил никакого ответа. Согласно независимому лингвистическому анализу, представленному суду, показания свидетеля были даны под принуждением. Несмотря на доказательства пыток, суд признал эти показания в качестве доказательств на том основании, что они были подтверждены другими свидетельскими показаниями. Суд заявил, что показания свидетеля, данные им в предварительном заключении, легли в основу обвинительного приговора г-ну Тимофееву и другим подсудимым.

9. 21 февраля 2019 года Приволжский окружной военный суд признал г-на Тимофеева виновным в участии в террористической группе по статье 205.5, часть 2, Уголовного кодекса и приговорил его к 12 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. На момент участия г-на Тимофеева в «Хизб-ут-Тахрир» обязательный минимальный срок наказания за нарушение части 2 статьи 205.5 составлял 5 лет, а максимальный — 10 лет. 6 июля 2016 года Государственная Дума Российской Федерации увеличила обязательный минимальный срок наказания до 10 лет, а максимальный — до 20 лет.

10. Приволжский окружной военный суд осудил г-на Тимофеева, несмотря на то, что статья 205.5 освобождает от уголовной ответственности тех, кто добровольно прекращает участие в террористической группе до своего задержания, и не предусматривает совершения каких-либо правовых действий для доказательства окончания участия. Однако в декабре 2017 года российские суды начали толковать добровольный выход согласно статье 205.5 как требование к бывшим участникам официально сообщать российским властям об окончании участия в террористической группе. Приволжский окружной военный суд ретроактивно наказал г-на Тимофеева за то, что он не сообщил об окончании своего участия, применив к нему требование, которое было введено более чем через год после его выхода из «Хизб-ут-тахрир».

11. Источник информации утверждает, что в то время, когда г-н Тимофеев был вовлечен в дела «Хизб-ут-тахрир», российские суды исключили «обучение» из своего толкования понятия «участие» и определили вовлеченность в дела незаконных вооруженных формирований, являющуюся смежным преступлением, как требующую активного участия, например принятия присяги, дачи подписки или устного согласия, получения формы или оружия, обучения членов, строительства временного жилья, различных сооружений и заграждений, приготовления пищи или ведения натурального хозяйства. Окружной суд задним числом применил более широкое определение участия, которое включало обучение, через четыре месяца после того, как г-н Тимофеев покинул «Хизб-ут-тахрир». 14 октября 2019 года апелляция г-на Тимофеева в Верховный суд была отклонена.

12. Источник информации сообщает, что г-н Тимофеев страдает сердечно-сосудистым заболеванием и хроническим орхоэпидидимитом. Он также родился с одной функционирующей почкой, что повышает риск развития почечных заболеваний и требует проверки функции почек. На суде он и члены его семьи дали показания о состоянии его здоровья, предоставив суду медицинские карты, а его адвокат объяснил, что длительное заключение представляет опасность для его здоровья. В решении Приволжского окружного военного суда якобы было учтено наличие у г-на Тимофеева хронических заболеваний, но, тем не менее, он был приговорен к 12 годам лишения свободы.

13. Согласно утверждениям источника информации, из-за подавления инакомыслия в период, предшествовавший вооруженному конфликту на территории Украины, адвокаты г-на Тимофеева подвергались преследованиям, что препятствовало их способности адекватно представлять его интересы. В ноябре 2021 года российская прокуратура подала иски о закрытии неправительственных организаций за предполагаемые нарушения закона об «иностранных агентах». Эти иски были широко осуждены международными организациями и гражданским обществом. Адвокаты г-на Тимофеева были выдворены из адвокатской конторы в октябре 2022 года, когда российский суд постановил передать их помещение в государственную собственность.

iii) *Правовой анализ и утверждения*

a. Категория I

14. Источник информации утверждает, что задержание г-на Тимофеева является произвольным по категории I, поскольку для него нет правовых оснований или оправдания, а правительство использует для его преследования расплывчатые или чрезмерно широкие законы.

15. Согласно источнику информации, статья 205.5 Уголовного кодекса Российской Федерации является слишком расплывчатой и чрезмерно широкой, чтобы служить правовой основой для осуждения г-на Тимофеева. Это положение закона запрещает участие в «террористических группах», как они определены в российском законодательстве. В 2003 году Верховный суд Российской Федерации признал «Хизб-ут-тахрир» террористической группой, хотя и не установил, что «Хизб-ут-тахрир» совершала или планировала какие-либо террористические акты. Российское законодательство криминализовало все действия, относящиеся к «Хизб-ут-тахрир», независимо от их связи с реальной террористической деятельностью. Согласно статье 205.5, лицам, обвиняемым в участии в деятельности «Хизб-ут-тахрир», грозит наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет. Это значительно больше, чем наказание за убийство, которое, согласно статье 105.1, предусматривает от 6 до 15 лет лишения свободы, и базовое наказание за изнасилование, которое предусматривает от 3 до 6 лет лишения свободы.

16. Один известный российский аналитический центр пришел к выводу о том, что признание «Хизб-ут-тахрир» террористической организацией незаконно, поскольку она не связана с какой-либо террористической деятельностью в Российской Федерации. С 2003 года более 340 человек, включая многих крымских татар, преследуемых в результате вооруженного конфликта на территории Украины, были заключены в тюрьму в России и Крыму за вовлеченность в дела «Хизб-ут-тахрир», получив наказание в виде лишения свободы на срок до 24 лет. Эти приговоры были осуждены Генеральным секретарем² и Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по правам человека³.

17. Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом подчеркнула, что международные стандарты требуют, чтобы уголовные меры по борьбе с терроризмом или «экстремизмом» устанавливали прямую и непосредственную связь между действием — в том числе явно выраженным актом — и фактической, объективной опасностью террористических актов⁴. Источник информации утверждает, что статья 205.5 не требует установления такой связи. Более того, статья 205.5 не содержит четкого элемента, требующего, чтобы правительство доказало намерение со стороны преступников, например намерение пропагандировать экстремистский контент или намерение поощрять насилие.

² A/74/276, п. 35, и A/HRC/44/21, п. 36.

³ A/HRC/39/CRP.4, пп. 30 и 41.

⁴ A/HRC/43/46/Add.1, п. 14.

b. Категория II

18. Согласно источнику информации, задержание г-на Тимофеева равносильно произвольному лишению свободы по категории II, поскольку оно является результатом осуществления основных прав на свободу выражения мнений и свободу собраний.

19. Источник информации утверждает, что осуждение г-на Тимофеева правительством и его продолжающееся содержание под стражей за его религиозную деятельность нарушают его право на свободу вероисповедания. Его участие в качестве ученика «Хизб-ут-тахрир» защищено статьей 18 (пункт 1) Пакта и Всеобщей декларацией прав человека.

20. Участие г-на Тимофеева в собраниях и занятиях «Хизб-ут-тахрир» защищено статьей 18 (пункт 1) Пакта. Статья 18 (пункт 1) защищает свободу выбора религиозных руководителей и проповедников, а также право иметь или принимать убеждения. Г-н Тимофеев стремился изучить религиозные убеждения, посещая религиозные собрания «Хизб-ут-тахрир». Он посещал занятия, на которых студенты изучали книгу «Система ислама», содержащую исламское теологию и политическую философию «Хизб-ут-тахрир». Г-н Тимофеев был учеником в соответствии с правилами «Хизб-ут-тахрир». Его обучение ограничивалось основами ислама. Он не приносил клятву верности «Хизб-ут-тахрир» и не распространял запрещенную литературу.

21. В соответствии со статьей 18 (пункт 3) Пакта исповедование религии или убеждений подлежит лишь узким ограничениям, «установленным законом» и «необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц». Ни одно из допустимых ограничений статьи 18 неприменимо в данном случае, и, следовательно, продолжающееся содержание г-на Тимофеева под стражей нарушает статью 18.

22. Ограничения статьи 18 (пункт 3) должны быть установлены законом. Источник информации утверждает, что расплывчатые утверждения и обвинения указывают на то, что государство может незаконно ограничивать защищаемые права человека. Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом четко указала, что международные стандарты требуют, чтобы уголовные меры по борьбе с терроризмом устанавливали прямую и непосредственную связь между действиями и объективным риском причинения вреда⁵. Г-н Тимофеев был приговорен к 12 годам лишения свободы по статье 205.5 Уголовного кодекса Российской Федерации исключительно за принадлежность к «Хизб-ут-тахрир». Утверждается, что статья 205.5 является расплывчатой и чрезмерно широкой нормой закона, которая не требует установления объективной связи с терроризмом. Обвиняя и осуждая г-на Тимофеева по статье 205.5, правительство, как сообщается, не заявляло о какой-либо связи с терроризмом или фактическом причинении вреда.

23. Согласно источнику информации, правительство не смогло юридически обосновать тюремное заключение г-на Тимофеева и ограничило право г-на Тимофеева исповедовать религию на основании неуточненных обвинений в терроризме. Он был наказан по статье 205.5 чрезмерно широкого антитеррористического закона, содержащего нечетко определенные термины. Его задержание было основано на ретроактивном толковании закона, которого не существовало на момент выхода г-на Тимофеева из «Хизб-ут-тахрир». Его задержание, как утверждается, основано на расплывчатом законе и его чрезмерно широком применении.

24. Ни г-н Тимофеев, ни «Хизб-ут-тахрир» никогда не были связаны с какой-либо формой насилия или угрозой его применения — ни в прошлом, ни в тот период, когда он посещал собрания. Международное право требует наличия четкой связи между защищаемыми религиозными действиями и насилием, чтобы оправдать ограничения на применение статьи 18. Источник информации напоминает, что Рабочая группа

⁵ Там же.

установила нарушения статей 18, 19, 21 и 25 Пакта после того, как один человек был заключен в тюрьму за публичное выступление на мероприятии, переросшем в насильственную акцию протеста⁶. Нарушения в деле г-на Тимофеева, как сообщается, еще более серьезны, поскольку он не отстаивал публично ни свои взгляды, ни взгляды «Хизб-ут-тахрир». В данном случае нет никаких доказательств какого-либо вреда, причиненного ограниченной вовлеченностью г-на Тимофеева в дела «Хизб-ут-тахрир».

25. Приговор г-на Тимофеева к 12 годам лишения свободы, что вдвое превышает обычный срок за изнасилование в Российской Федерации, как утверждается, не является соразмерным или необходимым для предотвращения причинения какого-либо вреда правам других лиц. Предъявляя ему обвинение и вынося обвинительный приговор, правительство не связало его действия с каким-либо объективным вредом. Г-н Тимофеев добровольно покинул группу за шесть месяцев до своего задержания. На момент посещения занятий по исламу в «Хизб-ут-тахрир» г-ну Тимофееву было 19 лет, и он страдает хроническими заболеваниями, которые, вероятно, обостряются в результате лишения свободы.

26. Согласно источнику информации, продолжающееся заключение г-на Тимофеева не служит никакой законной цели. Приговор г-на Тимофеева к 12 годам тюремного заключения, как утверждается, намного превышает любые предполагаемые цели наказания, связанные с обеспечением общественной безопасности, и несоразмерен его ограниченной вовлеченности в дела «Хизб-ут-тахрир». По этим причинам источник информации утверждает, что содержание г-на Тимофеева под стражей нарушает статью 18 (пункт 1) Пакта.

27. Источник информации утверждает, что вынесенный правительством приговор и продолжающееся содержание г-на Тимофеева под стражей нарушают его права на свободу выражения мнений и ассоциации. Его участие в «Хизб-ут-тахрир» в качестве ученика защищено статьями 19 (пункт 2) и 22 (пункт 1) Пакта.

28. Свобода выражения мнений, защищаемая статьей 19 (пункт 2), не ограничивается формой или предметом. Как указал Комитет по правам человека, это право «включает в себя передачу и получение сообщений, содержащих всякого рода идеи и мнения, которые могут быть переданы другим лицам... К ним относятся... культурное и художественное выражение, преподавание, а также религиозные выступления»⁷. Участие г-на Тимофеева в «Хизб-ут-тахрир» ограничивалось посещением религиозных занятий, обменом новостями и чаепитиями, на которых обсуждались политические и религиозные вопросы. Эти встречи преследовали чисто образовательные цели: участники изучали основы ислама и обсуждали текущие события. Его действия, которые, как сообщается, ограничивались поиском и передачей информации, попадали под права на свободу выражения мнений и ассоциации, гарантируемые статьями 19 и 22 Пакта.

29. В соответствии со статьей 19 (пункт 3) Пакта правительство может ограничивать свободу выражения мнений только в тех случаях, когда это установлено законом и необходимо для уважения прав и репутации других лиц и для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Ограничения на свободу ассоциации подчиняются тем же требованиям. Источник информации утверждает, что правительство не выполнило этого бременя.

30. Статья 19 Пакта допускает ограничение свободы выражения мнений, когда это необходимо для уважения прав и репутации других лиц. Аналогичным образом, статья 22 допускает ограничение свободы ассоциации, когда это необходимо для защиты прав и свобод других лиц. Однако эти ограничения должны соответствовать строгим критериям необходимости и соразмерности.

31. Источник информации утверждает, что действия г-на Тимофеева не ущемляли права и репутацию других лиц. Порог нарушения выражения мнений высок. Право

⁶ См. мнение № 91/2017.

⁷ CCPR/C/GC/34, п. 11.

прав человека защищает выражение мнений, даже если они считаются оскорбительными. Несмотря на то, что г-н Тимофеев действительно призывал одного человека принять ислам, его действия никоим образом не разжигали религиозную ненависть и не противоречили праву других людей свободно исповедовать свою религию.

32. Статья 19 (пункт 3) предусматривает ограничения свободы выражения мнений, когда это необходимо для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Источник информации напоминает, что Рабочая группа толкует это исключение узко, подтверждая право на свободу выражения мнений даже в тех случаях, когда соответствующая группа была признана государством опасной⁸. Источник информации утверждает, что «Хизб-ут-тахрир» не была связана с насилием в Российской Федерации. Действия г-на Тимофеева были совершенно ненасильственными, и сообщается, что правительство не заявляло о связи с насилием, совершенным другими лицами.

33. Источник информации утверждает, что международное право требует строгого обоснования применения государством исключения по соображениям государственной безопасности и общественного порядка, даже в тех случаях, когда речь идет об обвинениях в антигосударственной деятельности⁹. «Хизб-ут-тахрир» не пропагандировала насилие. «Хизб-ут-тахрир» не была связана с политическими беспорядками или насилием в Российской Федерации, поэтому любое обоснование, касающееся охраны государственной безопасности, как утверждается, еще более сомнительно.

34. Как сообщается, государства и неправительственные организации выразили обеспокоенность по поводу признания Российской Федерацией «Хизб-ут-тахрир» террористической организацией и использования Российской Федерацией членства в «Хизб-ут-тахрир» для оправдания репрессий и дискриминации. Такое признание не оправдывает ограничение прав по статье 19 для тех, кто, подобно г-ну Тимофееву, лишь посещал мирные собрания. Источник утверждает, что правительство не доказало, что задержание г-на Тимофеева было необходимо для предотвращения какой-либо реальной угрозы государственной или общественной безопасности.

35. Источник информации утверждает, что тюремное заключение г-на Тимофеева также не является необходимым для охраны здоровья или нравственности населения. Это исключение толкуется узко и требует четких утверждений со стороны государства. В данном деле действия г-на Тимофеева, как утверждается, не угрожали здоровью или нравственности населения, и в ходе внутреннего разбирательства российское правительство не утверждало, что его содержание под стражей было необходимо для защиты этих интересов. По этим причинам источник информации заявляет, что содержание г-на Тимофеева под стражей нарушает статьи 19 (пункт 2) и 22 (пункт 1) Пакта.

с. Категория III

36. Источник информации утверждает, что право г-на Тимофеева на справедливое судебное разбирательство было предположительно нарушено, поскольку: а) он содержался под стражей до суда более 21 месяца, прежде чем впервые предстал перед Приволжским окружным военным судом; б) он содержался в одиночной камере без отопления в течение 14 месяцев; в) его приговор был основан на принудительном признании, полученном в результате длительного одиночного заключения, и показаниях свидетеля, которые были получены под пытками; и д) приговор был основан на ретроактивном применении уголовного законодательства.

37. Г-н Тимофеев, как сообщается, содержался под стражей до суда более 21 месяца, прежде чем впервые предстал перед Приволжским окружным военным судом 11 декабря 2018 года. Статья 9 (пункт 3) Пакта устанавливает, что предварительное заключение должно быть скорее исключением, чем правилом,

⁸ Мнение № 78/2017, п. 71.

⁹ Мнение № 42/2018, пп. 85 и 110.

и назначаться на как можно более короткий срок. Как утверждается, 21 месяц был необоснованно долгим сроком¹⁰ и нет доказательств того, что власти рассматривали альтернативные варианты. Таким образом, его содержание под стражей является нарушением статьи 9 (пункт 3) Пакта.

38. Источник информации подчеркивает, что г-н Тимофеев содержался в одиночной камере без достаточного отопления в течение 14 месяцев. Длительное одиночное заключение в течение более 15 суток подряд запрещено правилами 43 (пункт 1 b)) и 44 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы). Согласно правилу 45, к одиночному заключению следует прибегать как к крайней мере в течение как можно более короткого времени, при условии осуществления независимого контроля и только с санкции компетентного органа. Содержание г-на Тимофеева в одиночной камере в течение более одного года является нарушением Правил Нельсона Манделы. Более того, когда одиночное заключение используется во время досудебного содержания под стражей с целью получения информации или признания, это равносильно нарушению права на свободу от пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, которое закреплено в статьях 1 и 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и статье 7 Пакта¹¹. Утверждается, что заявление, сделанное следователем на допросе, о том, что г-н Тимофеев так и сгниет в одиночной камере, и последующая дача г-ном Тимофеевым признательных показаний свидетельствуют о том, что его содержали в одиночной камере с целью принуждения его к признанию.

39. Источник информации утверждает, что г-на Тимофеева заставили подписать признание и что его осуждение основывалось на доказательствах, полученных под пытками. Г-на Тимофеева принуждали путем длительного одиночного заключения, испытания холодом и морального надругательства. Как сообщается, следователь на суде показал, что он был наедине с Тимофеевым, когда получил его признательные показания, указав, что адвокат при этом не присутствовал. Видеозапись признания Тимофеева была приобщена к делу вопреки его возражениям. Приговор также был основан на показаниях другого человека, которые были получены под пытками, включая надевание мешков на голову, принуждение находиться в болезненных позах и подвешивание за руки, скованные наручниками. Как сообщается, Приволжский окружной военный суд использовал эти показания для обоснования осуждения г-на Тимофеева, несмотря на доказательства применения пыток, на том основании, что они были подтверждены другими показаниями. Однако «принуждение к даче признательных показаний компрометирует весь процесс, независимо от того, имелись ли в наличии другие доказательства в обоснование приговора»¹². Согласно источнику информации, принудительное признание г-на Тимофеева нарушает право не быть принуждаемым к признанию вины в соответствии со статьей 14 (пункт 3 g)) Пакта, а принятие принудительного признания в качестве доказательства вместе с показаниями, полученными под пытками, нарушает право на презумпцию невиновности в соответствии со статьей 14 (пункт 2) Пакта.

40. Источник информации утверждает, что вышеуказанные нарушения права г-на Тимофеева на справедливое судебное разбирательство, включая содержание в течение более одного года в одиночной камере, принуждение к признанию и использование доказательств, полученных под пытками, делают его задержание произвольным по категории III.

41. Ссылаясь на статью 15 Пакта и статью 11 (пункт 2) Всеобщей декларации прав человека, источник информации утверждает, что содержание г-на Тимофеева под стражей нарушает принцип отсутствия обратной силы. Во-первых, правительство применило требование, касающееся сообщения властям о членстве в

¹⁰ См. мнение № 52/2018.

¹¹ См. A/66/268. См. также резолюцию 68/156 Генеральной Ассамблеи, п. 28; и E/CN.4/2004/3/Add.2, пп. 54 и 55.

¹² См. мнение № 52/2018. См. также мнение № 85/2021.

террористической организации, которого не существовало на тот момент, когда г-н Тимофеев прекратил свое участие в «Хизб-ут-тахрир». Во-вторых, правительство применило более широкое определение «участия» в террористической организации, чем то, которое существовало на момент его вовлеченности в дела «Хизб-ут-тахрир». В-третьих, г-н Тимофеев получил более длительный срок заключения, чем допускалось на момент его предполагаемого участия в «Хизб-ут-тахрир». Конституция Российской Федерации также гарантирует право не быть лишенным свободы на основании закона, применяемого ретроактивно.

42. Согласно полученной информации, российские суды ввели новые условия для отказа от продолжения деятельности, которых не существовало, когда г-н Тимофеев покинул «Хизб-ут-тахрир». Таким образом, применение закона к делу г-на Тимофеева имело обратную силу или сам закон был слишком расплывчатым, чтобы обеспечить надлежащее судебное разбирательство. Статья 205.5 Уголовного кодекса Российской Федерации освобождает от ответственности тех, кто добровольно прекратил участие в террористической организации. Это положение не требует от лица принятия конкретных мер для освобождения от уголовной ответственности, в отличие от других положений Уголовного кодекса, которые налагают такие ограничения. Например, статья 205.4, касающаяся террористических групп, вступивших в сговор с целью совершения конкретных преступлений, требует от бывшего участника террористической группы сообщить о ее существовании, чтобы быть освобожденным от ответственности. Статья 205.3, касающаяся прохождения обучения для совершения террористических или других преступлений, также требует от любого, кто участвовал в обучении, сообщить об этом властям, чтобы избежать судебного преследования. Статья 205.5, как сообщается, не содержит аналогичных требований. Тем не менее в своем решении по делу г-на Тимофеева Приволжский окружной военный суд указал, что для добровольного прекращения своего участия необходимо подать заявление в органы по охране правопорядка или другие государственные органы. Поскольку г-н Тимофеев этого не сделал, положения примечания к части 2 статьи 205.5 Уголовного кодекса к нему не были применены. Верховный суд подтвердил, что он не обращался в органы власти и органы по охране правопорядка с заявлением о добровольном прекращении своего участия.

43. Источник, однако, утверждает, что добровольного выхода г-на Тимофеева из «Хизб-ут-тахрир» было достаточно для соблюдения статьи 205.5, как она толковалась на момент его ареста. В июле 2016 года г-н Тимофеев перестал посещать мероприятия «Хизб-ут-тахрир» и не соблюдал ее религиозные каноны. Однако в декабре 2017 года Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации, как сообщается, по-новому истолковала статью 205.5, обязав каждого, кто пытается прекратить свое членство в организации, считающейся террористической, сообщать о прекращении своего членства властям. Г-на Тимофеева в то время не уведомили о том, что от него требуются такие действия. Новое толкование существующего закона находится в рамках запрета на отсутствие обратной силы: согласно международным нормам, новое толкование закона с целью наложения значительного дополнительного бремени на обвиняемых по уголовным делам представляет собой закон, имеющий обратную силу.

44. Закон, который может быть истолкован по-новому, чтобы наложить на обвиняемых по уголовным делам ретроактивные и непредвиденные условия, нарушает надлежащую правовую процедуру, поскольку он слишком расплывчат, чтобы обеспечить надлежащее уведомление¹³. Источник информации напоминает, что Рабочая группа рассмотрела вопрос о том, что задержание на основании антитеррористического закона, не содержащего прямых формулировок, запрещающих действия, в которых обвинялся заявитель, нарушает статью 15 Пакта. Рабочая группа подчеркнула, что «положения, которые являются расплывчатыми и применение которых является чрезмерно широким, противоречат соответствующим нормам международного права, касающимся отправления уголовного правосудия»¹⁴. В данном случае ретроактивное толкование расплывчатой формулировки

¹³ Мнение № 88/2017.

¹⁴ Мнение № 9/2016, п. 40. См. также мнение № 56/2017.

статьи 205.5, требующей уведомления правоохранительных органов, как утверждается, явилось нарушением принципа законности в соответствии со статьей 15 Пакта.

45. Источник информации утверждает, что российские суды нарушили принцип отсутствия обратной силы, применив более широкое определение «участия» в террористической организации, чем то, которое существовало в то время, когда г-н Тимофеев был вовлечен в дела «Хизб-ут-тахрир». В то время в постановлении Пленума Верховного суда, касающемся преступлений террористической направленности, не было определения «участие в деятельности террористической организации», а содержалось только определение «участие в незаконном вооруженном формировании». Такое участие не включало в себя обучение. Напротив, оно ограничивалось такими действиями, как принятие присяги, дача подписки или устного согласия, получение формы или оружия, обучение членов, строительство временного жилья, различных сооружений и заграждений, приготовление пищи или ведение натурального хозяйства в местах расположения незаконного вооруженного формирования. Г-н Тимофеев, как сообщается, никогда не занимался ни одним из этих видов деятельности. Его вовлеченность ограничивалась посещением лекций, дискуссий и чаепитий. Он не был полноправным членом организации. Он проходил только обучение и добровольно покинул организацию, не совершив никаких действий, которые можно было бы считать участием в соответствии с определением, действовавшим во время его вовлеченности в ее дела.

46. Приволжский окружной военный суд применил определение участия в террористической организации, которое было введено после того, как г-н Тимофеев добровольно прекратил всякую вовлеченность в дела «Хизб-ут-тахрир». В частности, суд, как сообщается, использовал определение участия в террористической организации, приведенное в пункте 22.7 измененного постановления Пленума Верховного суда о преступлениях террористической направленности. Это определение, как утверждается, было опубликовано в ноябре 2016 года, через четыре месяца после прекращения вовлеченности г-на Тимофеева в дела «Хизб-ут-тахрир». В новом определении были расширены виды деятельности, которые могут считаться участием, включая обучение. Поскольку обучение было включено в определение участия в террористической организации только после того, как г-н Тимофеев уже добровольно покинул «Хизб-ут-Тахрир», он не был поставлен в известность о том, что его действия были незаконными. Источник информации утверждает, что ретроактивное применение нового определения «участия» явилось нарушением надлежащей правовой процедуры.

47. Обвиняемый по уголовному делу не может быть привлечен к ответственности на основании положения закона, которое не действовало на момент совершения соответствующего действия, а уголовный закон должен быть писаным и четко определенным¹⁵. Источник информации утверждает, что действия г-на Тимофеева не были уголовно наказуемыми на момент его вовлеченности в дела «Хизб-ут-тахрир», а ретроактивное применение постановления Пленума от ноября 2016 года лишило его права на надлежащую правовую процедуру.

48. Источник информации утверждает, что российские суды нарушили принцип отсутствия обратной силы, применив более суровое наказание, чем допускалось законом в то время, когда г-н Тимофеев посещал собрания «Хизб-ут-тахрир». Статья 15 Пакта запрещает назначение более тяжелого наказания, чем то, которое подлежало применению в момент совершения деяния. В то время, когда он был вовлечен в дела «Хизб-ут-тахрир», обязательный минимальный срок наказания за участие в террористической организации составлял 5 лет, а максимальный — 10 лет¹⁶. 6 июля 2016 года Государственная Дума увеличила обязательный минимальный срок

¹⁵ Мнения №№ 56/2012, п. 13; 28/2011, пп. 12 и 32; и 65/2011, п. 23.

¹⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности», 6 июля 2016 года, № 375-ФЗ, ст. 1, п. 18 а).

наказания до 10 лет, а максимальный — до 20 лет. Источник информации утверждает, что Приволжский окружной военный суд ретроактивно применил более высокий обязательный минимальный срок наказания, приговорив г-на Тимофеева к 12 годам лишения свободы.

49. Применяв более длительный срок наказания ретроактивно, Приволжский окружной военный суд, как утверждается, нарушил статью 15 Пакта. Применимый в России порядок назначения наказания был изменен после совершения предполагаемого преступления, и эти изменения ухудшили положение подсудимых. Г-н Тимофеев был приговорен к 12 годам лишения свободы, что превышает 10-летний максимальный срок, который предусматривался порядком назначения наказания, существовавшим в то время, когда он был вовлечен в дела «Хизб-ут-тахрир». Хотя Комитет по правам человека иногда допускал ретроактивное повторное вынесение приговора, он делал это только в тех случаях, когда приговор ретроактивно *смягчался*, а не *ужесточался*. Комитет признал приговор, вынесенный на основании ретроактивного применения закона о назначении наказания, допустимым в соответствии со статьей 15, поскольку срок наказания был *снижен* в результате ретроактивного применения судом закона¹⁷. Ретроактивное назначение более строгого наказания нарушает статью 15 Пакта.

в) Ответ правительства

50. В соответствии со своей обычной процедурой рассмотрения сообщений 19 июля 2023 года Рабочая группа препроводила утверждения источника информации правительству Российской Федерации. Рабочая группа просила правительство представить к 18 сентября 2023 года подробную информацию о нынешнем положении г-на Тимофеева. Рабочая группа также просила правительство разъяснить правовые положения, оправдывающие его продолжающееся содержание под стражей, а также его совместимость с обязательствами государства по международному праву прав человека и, в частности, по договорам, ратифицированным государством. Кроме того, Рабочая группа призвала правительство обеспечить физическую и психическую неприкосновенность г-на Тимофеева.

51. Рабочая группа сожалеет, что не получила от правительства ответа на это сообщение. Правительство не просило продлить срок на ответ, как это предусмотрено методами работы Рабочей группы.

2. Обсуждение

52. С учетом отсутствия ответа со стороны правительства Рабочая группа постановила вынести настоящее мнение в соответствии с пунктом 15 своих методов работы.

53. При определении того, является ли задержание г-на Тимофеева произвольным, Рабочая группа исходит из принципов, установленных в ее правовой практике и касающихся разрешения вопросов, имеющих доказательственное значение. Если источник информации устанавливает наличие достаточно серьезных доказательств нарушения международных норм, представляющего собой произвольное задержание, то бремя доказывания обратного, если правительство желает опровергнуть данные утверждения, возлагается на правительство¹⁸. В данном случае правительство предпочло не оспаривать достоверность достаточно серьезных утверждений, сделанных источником информации.

а) Категория I

54. Рабочая группа сначала рассмотрит вопрос о том, имели ли место нарушения по категории I, которая касается лишения свободы без законных на то оснований. Источник информации утверждает, что г-н Тимофеев содержался под стражей до суда более 21 месяца, прежде чем впервые предстал перед Приволжским окружным

¹⁷ [CCPR/C/97/D/1425/2005](#).

¹⁸ [A/HRC/19/57](#), п. 68.

военным судом. В течение этого времени он содержался в одиночной камере без отопления на протяжении 14 месяцев.

55. Рабочая группа ссылается на мнение Комитета по правам человека, а также на свои повторяющиеся выводы, согласно которым досудебное содержание под стражей должно быть исключительной мерой, а не общим правилом и должно назначаться на как можно более короткий срок, а также должно быть основано на принимаемом в каждом конкретном случае решении о том, что оно обосновано и необходимо с учетом всех обстоятельств для таких целей, как предупреждение побега, вмешательства в процесс собирания доказательств или рецидива преступления. Суды должны рассматривать вопрос о том, позволят ли альтернативы досудебному содержанию под стражей устранить необходимость в содержании под стражей в данном конкретном случае. В данном случае Рабочая группа приходит к выводу о том, что индивидуальная оценка обстоятельств, в которых находился г-н Тимофеев, проведена не была и что в результате его содержание под стражей не имело под собой правового основания и было назначено в нарушение статьи 9 (пункт 3) Пакта, статьи 9 Всеобщей декларации прав человека и принципов 38 и 39 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Его длительное содержание под стражей до суда иллюстрирует важность этого основополагающего правового принципа личной неприкосновенности.

56. Исходя из утверждений источника информации о том, что г-н Тимофеев содержался под стражей до суда более 21 месяца, прежде чем впервые предстал перед Приволжским окружным военным судом, представляется, что г-н Тимофеев не смог эффективно воспользоваться своим правом оспорить свое содержание под стражей, чтобы суд мог безотлагательно вынести решение о его законности в соответствии со статьей 9 (пункт 4) Пакта. Судебный надзор за содержанием под стражей является одной из главных гарантий защиты личной свободы¹⁹ и необходимым условием для обеспечения того, чтобы оно имело под собой правовые основания. Поскольку г-н Тимофеев не мог оспорить свое задержание, его право на эффективное средство правовой защиты в соответствии со статьей 8 Всеобщей декларации прав человека и статьей 2 (пункт 3) Пакта также было нарушено.

57. Источник информации также утверждает, что задержание г-на Тимофеева нарушает принцип отсутствия обратной силы, поскольку его действия не были уголовно наказуемыми на момент его вовлеченности в дела «Хизб-ут-тахрир», а ретроактивное применение постановления Пленума от ноября 2016 года лишило его права на надлежащую правовую процедуру. Во-первых, правительство применило требование, касающееся сообщения властям о членстве в террористической организации, которого не существовало на момент прекращения участия г-на Тимофеева в «Хизб-ут-тахрир». Во-вторых, правительство применило более широкое определение «участия» в террористической организации, чем то, которое существовало на момент его вовлеченности в дела «Хизб-ут-тахрир». В-третьих, г-н Тимофеев был приговорен к более длительному сроку, чем допускалось на момент его предполагаемого участия в «Хизб-ут-тахрир».

58. Рабочая группа отмечает, что принцип законности (*nulla poena sine lege*) является основополагающей гарантией, которая включает в себя²⁰:

- a) принцип отсутствия обратной силы (*nullum crimen, nulla poena sine lege praevia*);
- b) запрет на аналогию (*nullum crimen, nulla poena sine lege stricta*);
- c) принцип определенности (*nullum crimen, nulla poena sine lege certa*);
- d) запрет на использование некодифицированных, неписанных или прецедентных норм уголовного права (*nullum crimen, nulla poena sine lege scripta*).

¹⁹ A/HRC/30/37, п. 3.

²⁰ Мнение № 10/2018, п. 50.

59. Принцип *nullum crimen sine lege certa* «гарантирует, что ни один обвиняемый не может быть наказан государством произвольно или на основе имеющих обратную силу положений»²¹, что означает, что «человек не может быть... осужден по уголовному закону, принятому с целью ретроактивной криминализации действий или бездействия, имевших место ранее»²². Рабочая группа напоминает, что принцип *nullum crimen sine lege certa* предусматривает, что никто не должен быть осужден по уголовному закону, который еще не вступил в силу *на момент совершения действий или бездействия*. Соответственно, то или иное деяние наказуемо лишь в том случае, если на момент его совершения оно охватывалось «действующими, достаточно точными и писаными нормами уголовного права, которые предусматривали в этой связи применение в достаточной степени определенной меры наказания»²³. Обвиняемый по уголовному делу не может быть обвинен по закону, который не действовал в момент совершения деяния, а уголовный закон должен быть писанным и четко определенным²⁴.

60. Рабочая группа сочла, что задержание на основании антитеррористического закона, не содержащего прямых формулировок, запрещающих действия, в которых обвинялся заявитель, нарушает статью 15 Пакта. Она подчеркнула, что «положения, которые являются расплывчатыми и применение которых является чрезмерно широким, противоречат соответствующим нормам международного права, касающимся отправления уголовного правосудия»²⁵. Закон, который может быть истолкован по-новому, чтобы наложить на обвиняемых по уголовным делам ретроактивные и непредвиденные условия, нарушает надлежащую правовую процедуру, поскольку он слишком расплывчат, чтобы обеспечить надлежащее уведомление²⁶. Рабочая группа также установила, что ретроактивное применение валютного законодательства к действиям, которые «на момент их совершения не являлись преступлениями», является явным нарушением права «на надлежащую правовую процедуру и признанного принципа уголовного права *nulla poena sine lege*»²⁷.

61. Источник информации также утверждает, что г-н Тимофеев был приговорен к более длительному сроку, чем это допускалось на момент его предполагаемого участия в «Хизб-ут-Тахрир». Статья 15 (пункт 1) Пакта запрещает назначение более тяжкого наказания, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. Комитет по правам человека установил нарушение статьи 15, когда суды приговаривали человека к более длительному сроку тюремного заключения, чем тот, который существовал на момент совершения предполагаемых преступлений²⁸. Рабочая группа также установила, что ретроактивное применение законов, приводящее к продлению срока наказания, нарушает статью 11 (пункт 2) Всеобщей декларации прав человека²⁹. Источник информации утверждает, а правительство это не оспаривает, что г-н Тимофеев был осужден и приговорен к 12 годам лишения свободы, что превышает максимальный срок, составлявший 10 лет на момент совершения предполагаемого преступления. Таким образом, в данном случае Рабочая группа считает, что осуждение г-на Тимофеева и его заключение под стражу на основании ретроактивного нового толкования расплывчатой формулировки статьи 205.5, в результате чего был ретроактивно вынесен более строгий приговор, нарушают принцип законности в соответствии со статьей 15 Пакта и статьей 11 (пункт 2) Всеобщей декларации прав человека.

²¹ Мнение № 20/2017, п. 49.

²² Там же.

²³ Мнение № 10/2018, п. 50.

²⁴ Мнение № 56/2012, п. 13.

²⁵ Мнение № 9/2016, п. 40; см. также мнение № 56/2017, п. 67.

²⁶ См. мнение № 88/2017.

²⁷ Мнение № 65/2011, п. 23.

²⁸ [CCPR/C/78/D/981/2001](#), п. 7.4.

²⁹ Мнение № 76/2022, пп. 86–88.

62. По этим причинам Рабочая группа считает, что лишение г-на Тимофеева свободы не имеет под собой правовых оснований и, следовательно, является произвольным и подпадает под категорию I.

в) Категория II

63. Источник информации утверждает, что осуждение и продолжающееся содержание под стражей правительством Российской Федерации г-на Тимофеева за его религиозную деятельность нарушает его право на свободу вероисповедания. Изучение г-ном Тимофеевым религии путем посещения собраний «Хизб-ут-тахрир» и изучения ислама защищено статьей 18 (пункт 1) Пакта. Статья 28 Конституции Российской Федерации, как сообщается, также защищает свободу религии.

64. Рабочая группа напоминает, что обязательство Российской Федерации уважать свободу совести и религии г-на Тимофеева вытекает из статьи 18 Пакта. Согласно толкованию Комитета по правам человека в его замечании общего порядка № 22 (1993), следствием свободы религии в сочетании со свободой мысли и убеждений (статья 18) и свободой выражения мнений (статья 19) является то, что каждый человек может публичным или частным порядком выражать свое мнение, в том числе по вопросам религии, причем практика и учение, связанные с той или иной религией или убеждениями, включают в себя осуществление мероприятий, неразрывно связанных с ведением религиозными группами своей основной деятельности³⁰. Кроме того, Комитет счел деятельность проповедников, в частности проповеди, молитвы и проведение собраний, проявлением убеждений, подлежащим защите, отметив, что проведение традиционных религиозных собраний и церемоний является защищаемой деятельностью³¹. Как отметил Комитет по правам человека, положения пункта 3 статьи 18 должны толковаться строго и ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом³².

65. Рабочая группа определила, что статья 18 защищает дискуссии о религиозных убеждениях³³. Она также ссылается на Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 года, которая защищает право на свободу мысли, совести и религии³⁴. Кроме того, Рабочая группа ссылается на Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 1992 года, которая защищает право лиц, принадлежащих к религиозным меньшинствам, исповедовать свою религию и отправлять религиозные обряды «свободно и без вмешательства или дискриминации в какой бы то ни было форме»³⁵. Исходя из вышеизложенного, Рабочая группа констатирует нарушение статьи 18 Пакта.

66. Источник информации далее утверждает, что осуждение и продолжающееся содержание под стражей г-на Тимофеева правительством нарушает его право на свободу выражения мнений и ассоциации. Его участие в «Хизб-ут-тахрир» в качестве ученика, как сообщается, ограничивалось поиском и передачей информации, было полностью ненасильственным и подпадало под права на свободу выражения мнений и ассоциации, гарантируемые статьями 19 и 22 Пакта. Свобода выражения мнений и свобода объединений также гарантируются статьями 29 и 30 Конституции Российской Федерации.

67. С учетом отсутствия ответа правительства Рабочая группа считает заслуживающим доверия утверждение источника информации о том, что участие г-на Тимофеева в «Хизб-ут-тахрир» ограничивалось встречами, которые преследовали чисто образовательные цели и на которых участники изучали основы ислама и

³⁰ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 22 (1993), п. 4.

³¹ Там же.

³² Там же, п. 8.

³³ Мнение № 62/2017, п. 39.

³⁴ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, ст. 1 (п. 1).

³⁵ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, ст. 2 (п. 1).

обсуждали текущие события. Правительство не представило законного обоснования для ограничения свободы выражения мнений и ассоциации в соответствии со статьей 19 (пункт 3) и статьей 22 (пункт 2) Пакта. Рабочая группа напоминает, что свобода выражения мнений, защищаемая статьей 19 (пункт 2), не ограничивается формой или предметом. Как пояснил Комитет по правам человека в пункте 11 своего замечания общего порядка № 34 (2011), это право «включает в себя передачу и получение сообщений, содержащих всякого рода идеи и мнения, которые могут быть переданы другим лицам... К ним относятся... культурное и художественное выражение, преподавание, а также религиозные выступления».

68. Статья 19 (пункт 3) Пакта предусматривает ограничения свободы выражения мнений, когда это необходимо для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Источник информации напоминает, что Рабочая группа толкует это исключение узко, подтверждая право на свободу выражения мнений даже в тех случаях, когда соответствующая группа была признана государством опасной. Утверждается, что нет никаких доказательств того, что содержание г-на Тимофеева под стражей конкретно необходимо для охраны государственной безопасности или общественного порядка.

69. Международное право требует строгого обоснования ссылок государства на исключение, связанное с национальной безопасностью и общественным порядком, даже в случаях обвинений в антигосударственной деятельности³⁶. Комитет по правам человека подчеркивал, что правительству недостаточно заявить об исключении, связанном с перечисленными категориями; правительство «должно четко и подробно продемонстрировать конкретный характер угрозы, а также то, что принятие конкретных мер отвечает критериям необходимости и соразмерности, в частности путем установления прямой и непосредственной связи между формой выражения и угрозой»³⁷. Заключение г-на Тимофеева под стражу не является необходимым для защиты прав или репутации других лиц, а посему не соответствует строгим критериям необходимости и соразмерности.

70. Источник информации утверждает, что «Хизб-ут-тахрир» не была связана с насилием в Российской Федерации. Согласно источнику информации, в данном деле правительство не утверждает, что г-н Тимофеев или «Хизб-ут-тахрир» были связаны с насилием, и их деятельность носила исключительно мирный характер и не была связана с терроризмом. Кроме того, правительство не утверждает о связи с насилием, совершенным другими лицами. Комитет по правам человека указал, что тюремное заключение за членство в организации, запрещенной по причине угрозы государственному порядку и демократии, является недопустимым без доказательства того, что тюремное заключение было конкретно необходимо «для предотвращения реальной угрозы национальной безопасности и демократическим устоям»³⁸. Правительство не выполнило этого бремени доказывания.

71. Источник информации далее утверждает, что правительство не смогло представить правовые основания для тюремного заключения г-на Тимофеева. Он был обвинен и осужден на основании расплывчатого и чрезмерно широкого положения Уголовного кодекса Российской Федерации. Г-н Тимофеев был приговорен к 12 годам лишения свободы по статье 205.5 Уголовного кодекса исключительно за принадлежность к «Хизб-ут-тахрир». Это положение запрещает участие в «террористических группах», как они определены в российском законодательстве. В 2003 году Верховный суд Российской Федерации признал «Хизб-ут-тахрир» террористической группой, хотя и не установил, что «Хизб-ут-тахрир» совершала или планировала какие-либо террористические акты. Российское законодательство криминализовало все действия, имеющие отношение к «Хизб-ут-тахрир», несмотря на то, что они не имели фактической связи с террористической деятельностью. Утверждается, что статья 205.5 является расплывчатой и чрезмерно широкой нормой закона, которая не требует наличия объективной связи с терроризмом. Обвиняя и

³⁶ См., например, мнения №№ 78/2017, п. 71; и 42/2018, пп. 85 и 90.

³⁷ Комитет по правам человека, замечание общего порядка 34 (2011), п. 35.

³⁸ [CCPR/C/84/D/1119/2002](#), п. 7.3.

осуждая г-на Тимофеева по статье 205.5, правительство, как сообщается, не заявляло о какой-либо связи с терроризмом или фактическом причинении вреда.

72. Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом подчеркнула, что международные стандарты требуют, чтобы уголовные меры по борьбе с терроризмом или «экстремизмом» устанавливали прямую и непосредственную связь между действием — в том числе явно выраженным актом — и фактической, объективной опасностью террористических актов или вреда³⁹. Источник информации утверждает, что статья 205.5 не требует установления такой связи и что правительство ограничило право г-на Тимофеева исповедовать религию на основании неуточненных обвинений в терроризме.

73. Как ранее заявляла Рабочая группа, в соответствии с принципом законности законы должны формулироваться достаточно точно, для того чтобы они были доступны и понятны людям и чтобы люди могли соответствующим образом регулировать свое поведение⁴⁰. В данном случае применение расплывчатых и чрезмерно широких положений подкрепляет вывод Рабочей группы о том, что лишение г-на Тимофеева свободы подпадает под категорию II. Более того, Рабочая группа считает, что в некоторых обстоятельствах положения законов могут быть сформулированы настолько расплывчато и широко, что невозможно сослаться на правовые основания лишения свободы.

74. По этим причинам Рабочая группа считает, что лишение г-на Тимофеева свободы является произвольным по категории II и нарушает статьи 18, 19 и 20 Всеобщей декларации прав человека и статьи 18, 19 и 22 Пакта. Рабочая группа передает настоящее дело Специальному докладчику по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, Специальному докладчику по вопросу о правах на свободу мирных собраний и ассоциации и Специальному докладчику по вопросу о свободе религии или убеждений.

с) Категория III

75. Учитывая свой вывод о том, что лишение г-на Тимофеева свободы является произвольным по категории II, Рабочая группа хотела бы подчеркнуть, что в данных обстоятельствах судебное разбирательство не должно было проводиться. Однако, поскольку он был привлечен к ответственности и осужден, Рабочая группа теперь рассмотрит вопрос о том, были ли предполагаемые нарушения права на справедливое судебное разбирательство и надлежащую правовую процедуру достаточно серьезными, чтобы придать лишению его свободы произвольный характер по категории III.

76. Источник информации утверждает, что нарушения права г-на Тимофеева на справедливое судебное разбирательство, включая содержание в течение более одного года в одиночной камере, принуждение к признанию и использование доказательств, полученных под пытками, делают его содержание под стражей произвольным по категории III.

77. Г-н Тимофеев, как сообщается, содержался в одиночной камере более года. Рабочая группа отмечает, что, согласно правилу 45 Правил Нельсона Манделы, наказание в виде одиночного заключения должно сопровождаться определенными гарантиями. К одиночному заключению следует прибегать как к крайней мере лишь в исключительных случаях в течение как можно более короткого времени, при условии осуществления независимого контроля и с санкции компетентного органа. Длительное одиночное заключение в течение срока, превышающего 15 суток подряд, запрещено правилами 43 (пункт 1 b)), 44 и 45 Правил Нельсона Манделы. Рабочая группа напоминает также, что Специальный докладчик по вопросу о пытках и других

³⁹ A/HRC/43/46/Add.1, п. 14.

⁴⁰ См. например, мнение № 41/2017, пп. 98–101. См. также мнение № 62/2018, пп. 57–59; и Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, п. 22.

жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания счел, что длительное одиночное заключение свыше 15 суток, при котором некоторые вредные психологические последствия изоляции могут стать необратимыми, может приравниваться к пыткам, как это сформулировано в статье 1 Конвенции против пыток⁴¹.

78. Кроме того, источник информации утверждает, что камера плохо отапливалась и что г-н Тимофеев подвергался словесным оскорблениям со стороны следователей и угрозам со стороны начальника СИЗО № 5, который сказал ему, что он так и сгниет в одиночной камере. Утверждается, что его принудили к подписанию признательных показаний путем длительной изоляции, испытания холодом и морального надругательства. При даче признательных показаний не присутствовали ни адвокат, ни свидетели. Ссылаясь на эти утверждения, Рабочая группа напоминает, что такое жестокое обращение, как представляется, нарушает абсолютный запрет на применение пыток, который является императивной нормой международного права. Рабочая группа передает настоящее дело Специальному докладчику по вопросу о пытках для дальнейшего рассмотрения.

79. Рабочая группа считает, что эти нарушения существенно подорвали способность г-на Тимофеева защищать себя в ходе судебного разбирательства⁴². Право не подвергаться пыткам закреплено в статье 5 Всеобщей декларации прав человека и статье 7 Пакта⁴³. Рабочая группа ранее пришла к выводу о том, что если лицо, подвергшееся пыткам, не может подготовить адекватную защиту для судебного разбирательства, в котором соблюдается равенство обеих сторон, то это равносильно нарушению права на справедливое судебное разбирательство⁴⁴. Рабочая группа считает, что такое обращение и условия содержания под стражей нарушили правила 1, 13, 21, 22 (пункт 1) и 23 (пункт 1) Правил Нельсона Манделы, повлияли на способность г-на Тимофеева подготовить защиту, поставили под угрозу принцип равенства обеих сторон и нарушили его право на справедливое судебное разбирательство⁴⁵.

80. Признания, полученные в отсутствие адвоката, являются неприемлемыми в качестве доказательств в рамках уголовного судопроизводства⁴⁶. В результате были нарушены право Тимофеева на презумпцию невиновности в соответствии со статьей 14 (пункт 2) Пакта и право не быть принуждаемым к признанию себя виновным в соответствии со статьей 14 (пункт 3 г) Пакта, а также принцип 21 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, который защищает задержанного от самообвинения или вынужденных признаний: «Запрещается злоупотреблять положением задержанного или находящегося в заключении лица с целью принуждения его к признанию, какому-либо иному изобличению самого себя или даче показаний против любого другого лица». Кроме того, прокурор был обязан провести расследование и сообщить о пытках и принуждении к признанию в соответствии с руководящими принципами 12 и 16 Руководящих принципов, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование⁴⁷. Кроме того, источник информации утверждает, что главный свидетель обвинения также показал, что информация, которую он сообщил во время предварительного заключения, была получена под пытками. Впоследствии он содержался в одиночной камере и, как сообщается, пережил нервный срыв и был

⁴¹ [A/63/175](#), п. 56; [A/66/268](#), п. 61; резолюция 68/156 Генеральной Ассамблеи; [A/56/156](#), пп. 14 и 39 ф); и Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 35 (2014), п. 35.

⁴² [A/HRC/30/37](#), пп. 12, 15, 67 и 71.

⁴³ См. также правило 1 Правил Нельсона Манделы, статью 10 (пункт 1) Пакта и принцип 6 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме.

⁴⁴ Мнения № 32/2019, п. 42; и 20/2022, п. 104.

⁴⁵ Мнение № 32/2019, п. 42. См. также мнения №№ 47/2017, п. 28; и 52/2018, п. 79 j); и [E/CN.4/2004/3/Add.3](#), п. 33.

⁴⁶ См. мнения №№ 14/2019 и 59/2019. См. также [E/CN.4/2003/68](#), п. 26 е); [A/HRC/45/16](#), п. 53; и Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 24, пп. 58–60.

⁴⁷ Мнения №№ 47/2017, п. 29; и 63/2020, п. 42.

госпитализирован в результате физических и психологических пыток. Отмечая это, Рабочая группа напоминает, что она установила, что принятие от третьих лиц доказательств, полученных с помощью пыток, также является нарушением статьи 14 (пункт 3 g)) Пакта⁴⁸.

81. Согласно утверждениям источника информации, из-за подавления инакомыслия в период, предшествовавший вооруженному конфликту на территории Украины, адвокаты г-на Тимофеева подвергались преследованиям, что препятствовало их способности адекватно представлять его интересы. Адвокаты г-на Тимофеева были выдворены из адвокатской конторы в октябре 2022 года, когда российский суд постановил, что их помещение переходит в собственность государства. Рабочая группа напоминает, что адвокат должен иметь возможность выполнять свои функции эффективным и независимым образом, без опасения подвергнуться репрессивным мерам, вмешательству, запугиванию, давлению или притеснениям⁴⁹. Учитывая серьезность преследований и угроз, с которыми столкнулся адвокат г-на Тимофеева, Рабочая группа считает, что право на юридическую помощь в соответствии со статьей 14 (пункт 3 d)) Пакта было нарушено.

82. По вышеизложенным причинам Рабочая группа приходит к выводу о том, что нарушения прав г-на Тимофеева на справедливое судебное разбирательство и надлежащую правовую процедуру являются столь серьезными, что придают его лишению свободы произвольный характер, подпадающий под категорию III. Рабочая группа передает настоящее дело Специальному докладчику по вопросу о независимости судей и адвокатов.

d) Категория V

83. Хотя источник информации не сделал никаких конкретных заявлений, относящихся к категории V, Рабочая группа решила проанализировать данный случай в рамках этой категории своих методов работы в свете информации, предоставленной источником.

84. При рассмотрении категории II, выше, Рабочая группа установила, что задержание г-на Тимофеева стало результатом мирного осуществления им своих прав, предусмотренных нормами международного права. В своей правовой практике Рабочая группа неоднократно заявляла, что, когда заключение под стражу является результатом активного осуществления гражданских и политических прав, существует твердая презумпция того, что содержание под стражей также представляет собой нарушение международного права по признаку дискриминации⁵⁰.

85. Рабочая группа напоминает о нескольких некумулятивных критериях, которые служат для установления дискриминационного характера задержания. К их числу относятся следующие: а) лишение свободы является частью систематического преследования задержанного лица, в том числе, например, когда другие лица, характеризующиеся аналогичными отличительными особенностями, также подвергаются преследованию; или б) из контекста следует, что власти задержали то или иное лицо на дискриминационных основаниях или с целью воспрепятствовать осуществлению им своих прав человека⁵¹.

86. Рабочая группа напоминает, что ранее она признала задержание крымского татарина, принадлежащего к мусульманской вере, дискриминацией по признаку национального, этнического или социального происхождения и религии⁵².

⁴⁸ Мнения №№ 34/1995, пп. 6–8 а); 75/2018, п. 75; 47/2017, п. 27; и 45/2019, п. 69.

⁴⁹ Основные принципы и Руководящие положения Организации Объединенных Наций в отношении средств правовой защиты и процедур, связанных с правом лишенных свободы лиц обращаться в суд, принцип 9, п. 15; A/HRC/45/16, п. 54; Основные принципы, касающиеся роли юристов, п. 16; и мнения №№ 70/2021, п. 94; 66/2019, п. 86; 70/2017, п. 62; 34/2017, п. 41; 32/2017, п. 36; и 29/2017, п. 61.

⁵⁰ Мнения №№ 75/2022, п. 91; 62/2020, п. 74; 42/2020, п. 93; 36/2020, п. 75; 59/2019, п. 79; 13/2018, п. 34; и 88/2017, п. 43.

⁵¹ A/HRC/36/37, п. 48.

⁵² Мнение № 56/2021, п. 98.

Как указывалось ранее, действия г-на Тимофеева носили мирный характер и нет никаких доказательств того, что он проявлял насилие или подстрекал других лиц к насилию. Рабочая группа отмечает, что г-н Тимофеев относится к постоянно растущему числу крымских татар, которые подвергаются арестам, задержаниям и обвинениям в преступной деятельности на основании их этнического происхождения и религиозной веры. Согласно источнику информации, один из известных российских аналитических центров пришел к выводу о том, что признание «Хизб-ут-тахрир» террористической организацией незаконно, поскольку эта организация не была связана с какой-либо террористической деятельностью в России. С 2003 года более 340 человек, включая многих крымских татар, преследуемых в результате вооруженного конфликта на территории Украины, были заключены в тюрьму в России и Крыму за вовлеченность в дела «Хизб-ут-тахрир», получив наказание в виде лишения свободы на срок до 24 лет. Сообщается, что эти приговоры были осуждены правозащитными организациями, а также Генеральным секретарем⁵³ и Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по правам человека⁵⁴.

87. В свете заслуживающих доверия утверждений источника информации Рабочая группа считает, что г-н Тимофеев был лишен свободы на дискриминационных основаниях по причине его религиозной веры. Его содержание под стражей нарушает статьи 2 и 7 Всеобщей декларации прав человека и статью 26 Пакта и противоречит статьям 1–4 Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Поэтому оно является произвольным и подпадает под категорию V. Рабочая группа передает настоящее дело Специальному докладчику по вопросам меньшинств.

е) Заключительные замечания

88. Принимая к сведению утверждения источника информации о хронических заболеваниях г-на Тимофеева, Рабочая группа считает своим долгом напомнить правительству, что в соответствии со статьей 10 (пункт 1) Пакта и правилами 1, 24, 27 и 118 Правил Нельсона Манделы все лица, лишенные свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности, включая обеспечение им тех же стандартов медико-санитарного обслуживания, которые существуют в обществе. В частности, правилом 27 (пункт 1) Правил Нельсона Манделы предписано, что в экстренных случаях все тюремные учреждения должны обеспечивать незамедлительный доступ к медицинской помощи и что больных заключенных, нуждающихся в услугах специалиста или хирургическом вмешательстве, следует переводить в специализированные учреждения или же в гражданские больницы. Рабочая группа передает настоящее дело Специальному докладчику по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья.

3. Решение

89. В свете вышеизложенного Рабочая группа выносит следующее мнение:

Лишение свободы Ярослава Владимировича Тимофеева, противоречащее статьям 2, 3, 7, 8, 9, 11, 18, 19 и 20 Всеобщей декларации прав человека и статьям 2, 9, 14, 15, 18, 19, 22 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, является произвольным и подпадает под категории I, II, III и V.

90. Рабочая группа просит правительство Российской Федерации безотлагательно предпринять необходимые шаги для исправления положения г-на Тимофеева и приведения его в соответствие с действующими в данной области международными нормами, включая нормы, изложенные во Всеобщей декларации прав человека.

91. Рабочая группа считает, что с учетом всех обстоятельств дела надлежащей мерой защиты стало бы немедленное освобождение г-на Тимофеева и предоставление

⁵³ A/74/276, п. 35; и A/HRC/44/21, п. 36.

⁵⁴ A/HRC/39/CRP.4, пп. 30 и 41.

ему обладающего искомой силой права на получение компенсации и возмещения ущерба в иной форме в соответствии с международным правом.

92. Рабочая группа настоятельно призывает правительство обеспечить проведение полного и независимого расследования обстоятельств произвольного лишения г-на Тимофеева свободы и принять соответствующие меры в отношении лиц, виновных в нарушении его прав.

93. Рабочая группа просит правительство привести свое законодательство, в частности статью 205.5 Уголовного кодекса Российской Федерации, в соответствие с рекомендациями, изложенными в настоящем мнении, и обязательствами, взятыми на себя Российской Федерацией согласно международному праву в области прав человека.

94. В соответствии с пунктом 33 а) своих методов работы Рабочая группа передает данное дело Специальному докладчику по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение; Специальному докладчику по вопросу о правах на свободу мирных собраний и ассоциации; Специальному докладчику по вопросам меньшинств; Специальному докладчику по вопросу о свободе религии или убеждений; Специальному докладчику по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья; Специальному докладчику по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания и Специальному докладчику по вопросу о независимости судей и адвокатов.

95. Рабочая группа просит правительство распространить настоящее мнение с использованием всех имеющихся средств и на возможно более широкой основе.

4. Процедура последующих действий

96. В соответствии с пунктом 20 своих методов работы Рабочая группа просит источник информации и правительство предоставить ей информацию о последующей деятельности по реализации рекомендаций, сформулированных в настоящем мнении, и в том числе указать:

- a) был ли г-н Тимофеев освобожден и если да, то когда именно;
- b) были ли предоставлены г-ну Тимофееву компенсация или иное возмещение;
- c) было ли проведено расследование в связи с нарушением прав г-на Тимофеева и если да, то каковы итоги этого расследования;
- d) были ли в соответствии с настоящим мнением внесены какие-либо поправки или изменения в нормативно-правовые акты для приведения законодательства и практики Российской Федерации в соответствие с ее международными обязательствами;
- e) были ли приняты какие-либо другие меры с целью осуществления настоящего мнения.

97. Правительству предлагается проинформировать Рабочую группу о любых трудностях, с которыми оно столкнулось при осуществлении рекомендаций, сформулированных в настоящем мнении, а также сообщить, нуждается ли оно в дополнительной технической помощи, например в виде посещения Рабочей группой.

98. Рабочая группа просит источник информации и правительство предоставить вышеуказанную информацию в течение шести месяцев с даты препровождения настоящего мнения. Вместе с тем Рабочая группа оставляет за собой право осуществлять свои собственные последующие действия, если до ее сведения будет доведена новая, вызывающая тревогу информация об этом деле. Такие действия позволят Рабочей группе информировать Совет по правам человека о прогрессе, достигнутом в осуществлении его рекомендаций, а также о любом неприятии мер.

99. Рабочая группа напоминает, что Совет по правам человека призвал все государства сотрудничать с Рабочей группой и просил их учитывать ее мнения и при

необходимости принимать надлежащие меры для исправления положения произвольно лишенных свободы лиц и информировать Рабочую группу о принятых ими мерах⁵⁵.

[Принято 17 ноября 2023 года]

⁵⁵ Резолюция 51/8 Совета по правам человека, пп. 6 и 9.